

ОЛЬГА БЕЛОЗУБОВА

РАЗВОД
Мне (не) нужна
ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Ольга Белозубова

Развод. Мне (не) нужна твоя любовь

<https://litres.ru/74212612>

Аннотация

— Не истери, Ева. Давай поговорим как взрослые люди. — Как взрослые? — усмехаюсь. — Да. Вообще-то, я сам тебе все рассказал. Честно. Как есть. Ты не застала меня с другой где-то в городе. Не узнала о ней от друзей. Не увидела ее в нашей постели. Муж сразу понимает мой красноречивый взгляд и немой вопрос. — Нет, я не спал с ней в нашем доме, если ты об этом. Каждому действию — свое место. — О, какое благородство, — всплескиваю руками, — что додумался не тащить ее в нашу спальню! Меня начинает трясти. — Артур, на что ты рассчитывал? Хотел, чтобы после твоего признания я начала рыдать от счастья, что у меня такой честный муж?! Неверный, но зато честный. Не муж — золото! Так, что ли? — Достала! — взрывается Артур. — Я сообщил тебе все как есть, потому что уважаю тебя. — Что-о? — Мои глаза превращаются в блюдца. — Уважаешь? *** Я всем сердцем верила, что у нас крепкий брак, что мы с мужем любим друг друга. И теперь, когда дети выросли и выпорхнули из семейного гнезда, самое время для нового витка в наших с ним отношениях. Вот только муж решил

иначе: нашел себе молоденькую любовницу. Но это еще не все — только начало.

В тексте есть: #измена; #развод; #очень эмоционально; #бывшие муж и жена ХЭ

Моя новинка:

Содержание

Глава 1. Мне не нужна твоя любовь	5
Глава 2. (Не) мудрая жена	12
Глава 3. Находка	17
Глава 4. Где ты была?	21
Глава 5. (Не) нормальный разговор	26
Глава 6. «По-хорошему»	30
Глава 7. За и против	34
Глава 8. Идея	39
Глава 9. Тонкое искусство	45
Глава 10. Возвращайся	50
Глава 11. Маршрут перестроен	55
Глава 12. Сюрпризы	61
Глава 13. Любовное послание	68
Глава 14. Не надо делать из меня дурочку!	73
Глава 15. Из одного теста (?)	77
Глава 16. Разговор по душам	83
Глава 17. Юбилей	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1. Мне не нужна твоя любовь

Ева

— Да не нужна мне твоя любовь! — хлестко и вызывающе громко бросает муж. Он с шумом отодвигает в середину стола свою тарелку с едва начатым стейком. — И ужинать не буду. Перехотел.

Я невольно цепенею с салатницей в руках, теряюсь, что на это ответить.

Никогда не думала, что Артур может так взесться из-за моего признания в любви. Я ведь довольно часто говорю ему, что люблю. Но вместо того, чтобы ответить мне тем же, как обычно, он буквально взбесился.

Ничего не понимаю.

Еще несколько минут назад все было хорошо: муж вернулся домой с работы, заявив, что голоден как волк.

Я накрывала на стол, попутно рассказывая, как идет подготовка к юбилею — через неделю будет двадцать лет нашему браку. Подумать только! Как быстро летит время...

— У тебя проблемы на работе? — интересуюсь дрогнувшим голосом.

— Нет.

— Ты переживаешь, успею ли я все подготовить к юбилею?

— Хватит!

Артур шумно дышит и глядит на меня исподлобья, при этом взгляд у него колющий, полный неприкрытой злобы.

За долгие годы нашего брака мы прошли огонь, воду и медные трубы, но он еще ни разу не смотрел на меня *так*.

Муж продолжает буравить меня взглядом, и я как-то сразу понимаю, что дело вовсе не в его плохом настроении.

Сердце ухает вниз, а затем подпрыгивает и начинает колотиться со скоростью света. Руки вместе со стеклянной салатницей начинают дрожать, и я за малым не роняю ее на пол.

Громко сглатываю, подхожу к столу и ставлю на него блюдо.

— Тогда что происходит? — спрашиваю, бухаясь на стул напротив мужа.

— Поговорим об этом потом. — Лед в голосе Артура заставляет поежиться.

Но я все-таки медленно качаю головой. Лучше выяснить все сразу.

— Нет, давай сейчас, — настаиваю.

— Как хочешь... Мне надоело.

— Что именно тебе надоело? — округляю глаза.

— Все!

— И... я? — выдыхаю хрипло.

— Ты вообще давно себя в зеркале видела? — с усмешкой говорит Артур вместо ответа.

Внутри все опускается. Еще совсем недавно я была для мужа самой красивой.

— Под глазами уже круги, — с жаром продолжает он, — вон, седые корни пробиваются. Нет бы собой заняться, а ты только и талдычишь, что о своем гребаном юбилее!

О моем? С каких пор *наш* юбилей стал только моим? В уголках глаз начинает скапливаться влага, обида обхватывает горло плотным кольцом.

Муж сам спрашивал, смогу ли я взять этот вопрос на себя, потому что ему не до этого. А теперь недоволен? Если он считает, что, кроме всего остального, подготовить праздник для ста с лишним гостей так уж легко, то...

Додумать эту мысль не успеваю, потому что Артур раздражается новой тирадой:

— Тебя больше волнует поступление Полины в универ, успехи Паши и этот праздник, чтоб его! Ты в последнее время не обращаешь на меня никакого внимания.

С каких пор обсуждать успехи и сложности детей стало преступлением? Да и насчет внимания муж лукавит. Наоборот, я в лепешку расшибаюсь, чтобы все временные задачи никак не сказались на наших с ним отношениях.

— Артур, но это же неправ... — пытаюсь сказать, но муж меня перебивает:

— Никакой в тебе спонтанности, яркости. — Секунду молчит и добавляет: — Ты хоть представляешь, как на меня смотрят женщины? Молодые, эффектные.

В этот момент сердце пропускает удар, замерзает и идет трещинами.

Оказывается, это очень больно — услышать такое от любимого мужа. Особенно, когда тебе сорок, и ты уже не так свежа и хороша, как в двадцать лет, когда выходила за него замуж.

Честно сказать, уже начинаю жалеть о том, что вообще завела этот разговор.

— И вообще, душу ты мне не радуешь! — острыми раскаленными иглами впиваются в сердце слова Артура.

И так он выделяет «ты», что с моих губ сразу слетает закономерный вопрос:

— Значит, тебе ее радует кто-то еще?

Душу я ему не радую, видите ли. А как же его слова «Ты — моя душа», которые он повторял не раз и не два? Я лишена этого статуса?

Интересно, с каких пор?

— Ну же, говори! — повышаю голос, в котором проскакивают надрывно-истеричные нотки.

Я вскакиваю со стула и вынужденно опираюсь ладонями о стол, потому что колени подгибаются от внезапно охватившей меня слабости.

— Я еще раз спрашиваю, у тебя другая?

Не моргая смотрю на Артура, до последнего надеясь, что он сейчас скажет, что никого у него нет.

— Вот вечно ты так! — злобно выпаливает муж. — Я намеревался все обсудить спокойно. И не сейчас. Ну, раз ты так хочешь... да, у меня есть другая. Я как будто знал ее всю

жизнь.

Пока я обалдеваю от услышанного, он добивает меня:
— Нам пора рассмотреть альтернативу нашему браку.
Ноги все-таки подкашиваются, и я снова опускаюсь на стул.

Другая. У него все-таки другая.

Как я умудрилась не заметить?

— К-какую альтернативу браку ты имеешь в виду? — спрашиваю наконец. Кровь приливает к лицу, и щеки начинают пылать от внезапной догадки. — Только не говори мне, что требуешь свободных отношений. Я никогда на такое не пойду, и тебе об этом прекрасно известно.

На какую-то секунду мне кажется, муж промолчит.

Но потом он выдает:

— Я хочу определиться, что делать со своей жизнью, рассмотреть перспективы.

Чувствую, как начинает дергаться левое веко. Возникает четкое ощущение, что на моей голове только что знатно прибавилось новых седых волос.

— Я верно понимаю, что я должна молча терпеть, пока ты спишь с другой, и смиренно ждать, когда ты все-таки созреешь и огласишь результаты своего кастинга?

Скольжу взглядом по накрытому столу, подмечаю, как разрезанный мужем говяжий стейк минимальной прожарки сочится кровью. Прямо как мое сердце.

— Перспективы он собрался рассматривать... Какие, ска-

жи на милость? Блондинистые, брюнетистые? Хотя нет, наверное, рыжие, — с обидой бросаю я, — тебе же яркости не хватает!

Резко умолкаю, по его взгляду понимая, что попала прямо в десяточку. Значит, рыжая.

Мозг тут же перебирает всех знакомых женщин и девушек, вот только ни одной рыжей среди них нет.

— И когда ты собирался мне о ней рассказать? Может, на празднике?

Муж сводит брови к переносице, а я продолжаю:

— Нет, ну а что, соберутся все друзья, знакомые и нужные для твоего бизнеса люди. Самое время признаться, что двадцать лет брака со свистом летят в трубу. Может, и вовсе представишь всем свою новую пассию, а?!

— Хватит! — резко прерывает меня Артур. — Не истери, Ева. Давай поговорим как взрослые люди.

— Как взрослые? — усмехаюсь.

— Да. Вообще-то, я сам тебе все рассказал. Честно. Как есть. Ты не застала меня с другой где-то в городе. Не узнала о ней от друзей. Не увидела ее в нашей постели.

Он сразу понимает мой красноречивый взгляд и немой вопрос.

— Нет, я не спал с ней в нашем доме, если ты об этом. В отличие от некоторых из наших общих друзей, я подобным не занимаюсь. Каждому действию — свое место.

— О, какое благородство, — всплескиваю руками. Меня

начинает трясти. — Сам все рассказал и даже додумался не тащить ее в нашу спальню... Артур, на что ты рассчитывал? Хотел, чтобы после твоего признания я себе во всех подробностях представила, как ты шпилишь какую-то левую бабу во всех позах, а потом начала рыдать от счастья, какой же честный у меня муж?! Неверный, но зато честный. Не муж — золото! Так, что ли?

— Достала! — взрывается Артур. — Я сообщил тебе все как есть, потому что уважаю тебя, потому что...

— Что-о-о? — Мои глаза превращаются в блюдца. — Уважаешь?

Муж кивает. Будто вообще не понимает, что именно он сейчас сказал. Вбил гвоздь в крышку нашего брака.

Меня пробивает на истеричный смех, а по щекам катятся слезы.

— Успокойся, Ева. Приди в себя.

— Зачем? К чему это все, если у тебя другая?

— Будь мудрой женой, не дави на меня, — парирует Артур. Встает и нависает надо мной. — Дай мне время определиться.

И смотрит на меня в ожидании ответа, который не заставляет себя ждать.

Глава 2. (Не) мудрая жена

Ева

Я тоже встаю, но так как муж выше меня, и намного, все равно смотрю на него снизу вверх.

Вглядываюсь в черты его лица, подмечаю все морщинки, которые появлялись с течением прожитых совместно лет.

Двадцать лет брака, двое детей-погодок...

Задираю подбородок и вглядываюсь в глаза Артура:

— И давно ты крутишь шашни за моей спиной?

Однако ничего в его взгляде не помогает мне понять, как долго он мне изменяет.

— Это неважно, — коротко припечатывает муж спустя несколько показавшихся мне вечностью секунд.

Коротко качает головой, давая понять, что этот вопрос закрыт и ответа я все равно не получу.

Вот так.

Я была с ним с самого начала, еще когда мы ютились в крохотной однушке. Даже чай в пакетиках тогда приходилось заваривать дважды ради экономии. Я родила ему двух замечательных детей, но при этом все равно не заслужила честного ответа.

— Ясно. Что ты вообще планируешь делать дальше? — скрещивая руки на уровне груди.

— Я же сказал, мне нужно подумать.

— И где ты собрался думать?

— Не переживай, я снял квартиру.

Его слова входят внутрь отравляющим ядом, мгновенно разливаются по венам, и меня кидает в жар.

Значит, он уже все продумал и подготовил? Вот только мне забыл сообщить.

Мы столько лет вместе, а он не пришел ко мне, не сказал, что его что-то не устраивает, не предложил решить это вместе. Хотя бы попытаться решить.

Мы же семья!

Точнее, были семьей.

Вместо этого он решил заткнуть проблему любовницей. Проблему, о которой я не имела ни малейшего понятия.

Видимо, мне во всей этой истории отводится роль терпимы и ждуних. Я должна сидеть у окошка и ждать, пока муж нагуляется, а потом вернется в лоно семьи. А потом принять так, словно ничего и не было. Притвориться, что у нас все хорошо.

А если потом его снова бес толкнет в ребро, и он найдет еще одну любовницу, снова ждать.

Неужели муж так плохо меня знает? Уму непостижимо.

Что ж, если он решил все за меня, то...

— Знаешь, я и правда не стану на тебя давить, — тяну с печальной усмешкой.

И только Артур немного расслабляется, добавляю:

— Я даже больше скажу: тебе не нужно время.

— В смысле? — хмурится муж.

— В прямом. Облегчу тебе задачу: можешь валить к своей любовнице.

Артур в мгновение ока меняется в лице, и у него на шее начинает пульсировать вена.

— Ты вообще понимаешь, что это будет значить? — рычит он.

— Я-то понимаю. А ты понимаешь?

Не я, а он готов разрушить двадцать лет брака ради какой-то девицы.

Интересно, она вообще в курсе, что он женат?

Наверняка да. Артур очень привлекательный мужчина: темноволосый, плечистый, с мускулистым телом, выразительными чертами лица и волевым подбородком. К тому же богатый.

Он старше меня на пару лет, но время его щадит. Лично мне кажется, что он ни капли не постарел — лишь возмужал. На таких всегда повышенный спрос.

Даже если он при встречах с любовницей снимает обручальное кольцо, все равно будет видно след.

Как мы до этого дошли, а?

Дети выросли, выпорхнули из семейного гнезда. Остались только мы. У меня было столько планов на дальнейшую жизнь с Артуром!

Боже, какая же я наивная дура, ведь ему эти планы до одного места... Ну а что, я помогла ему подняться на ноги, вы-

растила детей, пришла пора менять меня на новую модель.

Мысленно стону. Меня буквально добивает мысль, что Артур не хочет разводиться лишь из жалости. Или из удобства.

Становится так больно, так обидно и невыносимо плохо, что я отворачиваюсь от мужа, чтобы скрыть слезы.

Иду в нашу спальню. Слышу позади его шаги.

Прохожу дальше, в гардеробную. Включаю свет и перебираю ладонью по вешалкам со своей одеждой.

— Куда ты собралась на ночь глядя? — гремит за моей спиной голос мужа.

Я не отвечаю. Замираю на секунду, вспоминая, что там, внизу, за коробками, прячется еще одна. С фарфоровой статуэткой. Я купила ее ему в подарок.

Двадцать лет — фарфоровая свадьба.

Принято считать, что через столько лет совместной жизни супруги пережили все препятствия, и семья становится аккуратной фарфоровой статуэткой, которой любят окружающие.

Вот только главный недостаток фарфора — хрупкость. Малейшее неловкое движение, и он разлетается вдребезги.

— Ева, куда ты собралась? — снова повторяет Артур.

— Я? Никуда.

Иду дальше, к его вещам. Снимаю со штанги вешалку с одним из его костюмов, огибаю мужа и бросаю костюм на кровать.

— Чемодан там, — киваю наверх. — Достанешь?

Оглядываю всю его одежду и поджимаю губы, качая головой.

— Хм. Одного чемодана для всех твоих вещей не хватит. Лицо мужа изумленно вытягивается.

— Так, — мрачнеет Артур. Он останавливает меня за руку и разворачивает к себе. — Хватит. Ты на эмоциях и не можешь мыслить здраво. Тебе пора оценить ситуацию, как она есть, прежде чем действовать не подумав и бросаться громкими словами, о которых ты очень быстро пожалеешь. Остынь!

Он размашистым шагом идет к выходу и бросает, перед тем как хлопнуть дверью в спальню:

— За вещами я заеду завтра вечером. Будь дома.

Глава 3. Находка

Ева

Прошло минут десять с тех пор, как фары машины Артура на несколько секунд мелькнули в окне и скрылись за воротами.

Я сижу на кровати и бесцельно пячусь в одну точку, пытаюсь прийти в себя.

На полу валяется пиджак мужа, на котором я уже от души потопталась.

Он уехал, а у меня в ушах до сих пор звонким колоколом звучат его слова: «Не истери», «Остынь», «Будь мудрой женой».

Куда там... Меня душат обида и злость, и я готова рвать и метать. Кричать.

Как. Он. Мог?

Еще несколько часов назад все было хорошо. Налаженная спокойная жизнь, полная любви и умиротворения.

Артур был моей каменной стеной, надежность которой не вызывала сомнений. Теперь же эта каменная стена обрушилась прямо на меня, придавив к земле и мешая дышать.

Я судорожно хватаю ртом воздух и поднимаюсь с кровати. Больно.

Как же больно...

Я-то думала, мы с мужем — одно целое, настолько срос-

лись за прожитые вместе года. Но сегодня на меня смотрел не он, не тот Артур, которого я знаю.

Все его обидные слова рвут душу на части. Хочется, чтобы это все оказалось сном.

Но это не сон. Реальность. Которую мне предстоит принять.

Я подхожу к туалетному столику и смотрю на себя в зеркало, провожу ладонью по лицу.

Да, мне уже не двадцать и даже не тридцать. Кожа уже не такая упругая. Мелкие морщинки вокруг глаз выдают возраст.

Смотрю на пробивающуюся седину и усмехаюсь.

Я ведь должна была поехать к парикмахеру еще вчера, но Артуру срочно понадобились кое-какие документы из сейфа. Пришлось звонить мастеру, переносить визит и ехать в его офис. Разве я могла поступить по-другому? Это же муж. Любимый.

Впрочем, отчего-то я уверена: Артур все равно нашел бы к чему придраться. Было бы желание, как говорится.

Стоило детям разъехаться, и их папашу понесло. Что это? Кризис опустевшего гнезда? Или просто кризис среднего возраста?

Спускаюсь вниз, иду в столовую и на несколько секунд замираю, глядя на накрытый стол. Со злостью начинаю сгребать остывшую еду в мусорку.

Туда же со свистом улетает наша с Артуром семейная

жизнь...

Честный какой нашелся, а! Пришел, вывалил свою правду.

Раньше я считала, что так лучше. До тех пор, пока это не произошло со мной. Сейчас думаю, что это просто попытка переложить все с больной головы на здоровую.

Давай, жена, принимай решение: остаться мужу или уходить. Удобно устроился, что сказать. Хотя и уходить он не хочет, видите ли. Хочет усидеть на двух стульях.

Не выйдет.

Артур знал, не мог не знать, как я отреагирую на его измену.

И то, что он приедет завтра вечером, ничего не изменит. Я все равно не соглашусь, чтобы он уехал лишь на время, «подумать». Умерла так умерла.

Придется как-то смириться с тем, что нашему браку конец. Пока ничего у меня не выходит. Сердце все еще отказывается в это верить.

И дети... Как отреагируют дети? Я поеживаюсь. Паша более рассудительный, а вот Полинка у нас характерная. И папина дочка. Ох...

Когда с уборкой покончено, я сажусь за стол, облакачиваюсь о стол и закрываю лицо руками.

Все пытаюсь осознать, как так вышло. Я пропустила какие-то звоночки?

Или я слепа, как крот, или их не было. Артур не удержи-

вался на работе, не уезжал в длительные командировки. Тут меня осеняет: что, если он нашел себе кого-то в офисе, чтоб далеко не ходить?

Рука сама собой тянется в карман за телефоном.

Сама не знаю, что хочу там найти, ведь у Артура нет страниц в соцсетях. Зато у его фирмы есть.

Начинаю листать фотографию за фотографией.

Несколько месяцев назад его компания праздновала пятнадцать лет со дня основания. Артур организовал выезд сотрудников за город, на базу отдыха, а затем в соцсеть выложили несколько фотографий с этого события. Я не смогла там быть, потому что ездила с Полиной в университет.

Рассматриваю улыбчивые лица и... нахожу то, что искала. На одной из фотографий в толпе сотрудников вижу рыжеволосую девушку. Сердце несется вскачь, словно норовит выскочить из грудной клетки.

Я двумя пальцами веду по экрану мобильного, приближая фото. Молодая, весьма симпатичная, улыбчивая. И грудь — крепкая четверочка.

Не успеваю прийти в себя, как вздрагиваю от звука входящего сообщения, которое всплывает поверх головы этой рыжеволосой. Читаю и стону вслух.

«Ева Дмитриевна, ждем вас завтра для финального согласования меню на юбилей».

Глава 4. Где ты была?

Артур

Я откладываю подписанные бумаги в сторону и снова раздраженно кошусь на мобильный. Молчит, чтоб его.

Точнее, не молчит, но звонка, которого жду, все нет и нет.

Раньше такого не случалось. Ева всегда мне отвечает, а если не может, то присылает сообщение.

Но не сегодня.

Я ведь хотел как лучше: позвонил предупредить, что буду дома через час-полтора, а она не берет трубку. И на сообщение, которое я отправил, так и не дождавшись ответа, тоже молчок.

Вообще ни слова, ни полслова от нее со вчерашнего вечера.

Что за игнор? Никак не пойму, чего Ева этим добивается.

Жужжащий мобильный отвлекает от мыслей, и я снова включаюсь в работу.

Через полчаса выхожу из офиса и еду домой. Уверен, жена там, просто включила гордячку и намеренно играет в молчанку. Знаю я такие женские финты. Наверняка таким образом она хочет заставить меня почувствовать себя виноватым.

Если так, то у нее не вышло.

Мы двадцать лет в браке, неужели сложно выслушать, не закатывая истерик, вместе прийти к общему знаменателю?

Я ведь все делаю для семьи. Для нее.

Вскоре нажимаю на кнопку на брелоке, и ворота дома приветливо отъезжают в сторону.

Надеюсь, Ева уже подуспокоилась, и сегодня вечером у нас будет адекватный разговор, не в пример вчерашнему.

— Ева! — сразу зову жену, как только захожу домой.

Звякают ключи, брошенные на столик в прихожей. И это единственный звук, который я слышу.

Тишина.

— Ева? — повышаю голос.

В ответ опять ничего. В итоге я обхожу весь первый этаж, но жены не нахожу.

Достаю мобильный, набираю ее номер, но в ответ лишь длинные гудки.

Изнутри рвется раздражение. Я ведь сказал, что приеду. Ева это услышала и понимает, что нам надо поговорить. Тогда какого хрена ее нет дома?! Это что, важно только для меня? Она ни в грош не ставит наши отношения, раз позволяет себе такое?

Дышу глубже, чтобы успокоиться. Тут мне кажется, что со второго этажа доносится какой-то звук, и я спешу туда.

Наверняка зря себя накрутил, и Ева наверху.

Захожу в спальню и застаю прелестную картину: жены нет, зато пол усыпан какими-то мелкими осколками. Поднимаю один из них, пытаюсь понять, чем это было раньше. Голова лебедя, что ли? И, похоже, фарфоровая. На полу лежит еще

одна. Два лебедя.

Странно, не припомню такой статуэтки дома. Хотя Ева любит такие штучки, их у нас много, мог и не заметить новую.

Делаю шаг вперед и морщусь, когда под ногами хрустят осколки. Еще шаг, и я замечаю валяющийся у кровати пиджак. Один из моих любимых. Тот самый, который Ева вчера сняла с вешалки.

Мало того, что не повесила снова, так еще и на пол бросила. Что это за ребячья выходка?

Поначалу никак не пойму, отчего серый цвет пиджака кажется каким-то приглушенным. Подхожу ближе, наклоняюсь, и брови взлетают сами собой. Она по нему потопталась! Изрядно так, как будто давила виноград в чане. Вон, даже пары пуговиц не хватает.

Я скриплю зубами от злости, отбрасываю пиджак в сторону и иду вниз. Хожу в гостиной из угла в угол.

А Евы все нет.

Не могла ведь она забыть, что я приеду? Точно не могла. Значит, намеренно где-то задерживается.

Поначалу я решаю уехать. Мне что, больше всех нужен этот разговор? Это нужно нам обоим, вообще-то. Затем решаю все-таки ее дожидаться. Должен же хоть кто-то из нас быть мудрее.

Проходит десять минут, затем еще десять.

Странное ощущение. Обычно, когда я приезжаю с работы,

Ева встречает меня с улыбкой, зовет к столу, расспрашивает о том, как прошел мой день. А тут такая тишина, что тиканье настенных часов кажется оглушительным.

Стоит только вспомнить про еду, как желудок непрозрачно намекает, что сегодня в нем побывал лишь кофе и пора это исправить.

Однако вскоре оказывается, что исправлять-то и нечем. Нет, в холодильнике есть продукты, но ничего готового. Странно, жена ведь вчера накрывала на стол, не могла ведь съесть это все в одиночку?

Я достаю из дверцы холодильника пачку с соком и с досадой вздыхаю — его осталось буквально на донышке. Делать нечего, допиваю что есть, несу пустую тару в мусорку. Открываю ее, и моя челюсть стремительно летит вниз. Так вот где весь ужин! Ева его выкинула.

Мой стейк, который я вчера так и не съел, будто в насмешку лежит сверху.

Охренеть, поужинал.

Кровь закипает, и я со злостью пинаю ни в чем не повинную мусорку. Та со скрипом отъезжает по полу в сторону, покачивается, но все-таки не падает.

Мне все ясно. Я тут как придурок наматываю круги по дому, а жене, похоже, и дела до этого нет. Тогда и мне здесь делать нечего.

Я вылетаю в прихожую, хватаю со столика ключи, резко распахиваю дверь и... натыкаюсь на Еву.

Приподнимая бровь, веду по жене взглядом сверху вниз. На ней приталенное зеленое платье, выгодно подчеркивающее фигуру. Волосы распущены, лежат один к одному. На лице макияж, и легкий ветерок доносит до меня приятный аромат ее духов.

В общем, жена при полном параде.

В голове крутится только один вопрос, и я не мешкая задаю его вслух, прищуриваясь и повышая тон:

— Где ты была?

Глава 5. (Не) нормальный разговор

Ева

Злость Артура электризует воздух, и между нами виснет давящее напряжение. На секунду я теряюсь от такого напора, но медленно вдыхаю и делаю шаг вперед.

— Какая тебе разница, где я была?

Не дожидаясь ответа, огибаю мужа и захожу в дом.

— Какая разница? — летит вслед разъяренный ответ. — Большая. Вообще-то, ты моя жена, и мне не все равно, где ты ходишь в такое время и... в таком виде!

— Надо же, — хмыкаю. Ставлю сумочку на столик и скрепчиваю руки на груди. — Ты только сейчас вспомнил, что женат?

— Я этого и не забывал, — рычит Артур. — Еще раз спрашиваю: где ты была?

— Не тебе устраивать мне допросы. — Стараюсь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. — Не теперь. Ты лишился этого права, как только завел любовницу и поставил ее и наш брак на чашу весов.

Говорю это, а сердце срывается в резкий бег, начинает стучать, как оголтелое.

Как я ни пыталась настроиться на этот разговор, а эмоции все равно зашкаливают, накрывают высокой волной, заставляют внутренности болезненно сжиматься.

Тяжело. Невыносимо просто. Смотрю на мужа, а глаза заволакивает пелена слез.

Я резко отворачиваюсь, чтобы он их не увидел, спешу на кухню и тянусь за стаканом. Наливаю воды и пью мелкими глотками.

Раньше Артур осушал мои слезы поцелуями, утешал, прижимая к своему крепкому сильному телу, шептал, что все будет хорошо. И я верила. Теперь он сам стал причиной этих слез.

Интересно, они когда-нибудь закончатся? Казалось бы, выплакала целую тонну ночью, а поди ж ты, еще накопились. Как не вовремя...

Приказываю себе успокоиться. Я должна быть сильной, по крайней мере пока муж здесь.

Четко ощущаю на своей спине его взгляд, да такой, что лопатки начинает жечь.

— Ты собрал свои вещи? — спрашиваю, поворачиваясь к нему лицом.

— Нет. Ты ответишь, где была?! — Артур срывается практически на крик, который разлетается по кухне эхом.

Придется ответить, не отстанет ведь.

Пожимая плечами, бросаю:

— Ездила по делам. Потом в парикмахерскую, потом...

Не успеваю закончить, как муж взрывается:

— В парикмахерскую? Я сказал, что приеду, а ты ездила в парикмахерскую?!

Похоже, он только что скрипнул зубами от злости.

— А что не так? Ты забыл упомянуть, когда именно приедешь.

— Я говорил, что вечером!

— Вечер — понятие растяжимое. Я должна была сидеть дома, будто мне нечем заняться?

Взгляд Артура мечет молнии, а я ведь еще не все сказала. Чувствую, как только сообщу, где еще была, он вообще слетит с катушек.

Но сделать это нужно в любом случае: тянуть кота за причинное место — лишь растягивать агонию. Лучше сразу.

Однако как только открываю рот, чтобы продолжить, муж выставляет ладони вперед в примирительном жесте и уже спокойнее произносит:

— Ладно, предлагаю остыть и поговорить нормально.

— Нормально — это как?

— Обсудим, как нам быть дальше. Я сделал бы это еще вчера, если бы не твоя истерика.

— Ну, тогда нормально не получится, — качаю головой.

— Почему это?

— Потому что я не соглашусь на твои условия, Артур!

Господи, неужели он и правда не понимает? В голове не укладывается.

— Я тоже еще вчера сказала: не стану ждать, пока ты нагуляешься и вернешься. С чего ты вообще решил, что я пойду на такое, а? Собирай вещи и уходи! Все вещи. Между на-

ми все кончено.

Лицо Артура наливается краской, он с такой силой сжимает челюсти, что начинают ходить желваки.

Я сглатываю возникший в горле огромный ком, набираю в грудь побольше воздуха и заканчиваю:

— Сегодня я ездила в ресторан, чтобы отменить заказ на наш юбилей. И к адвокату.

Все. Муж подлетает ко мне мощным смерчем, хватает за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Значит, хочешь развода? *Так* ты решила?

— Да.

— А теперь слушай, как будет.

Глава 6. «По-хорошему»

Ева

— К адвокату она поперлась, заказ отменила... Шустрая какая. Там где не надо, — шипит Артур.

Раньше я и подумать не могла, что когда-нибудь буду бояться собственного мужа. В нем всегда чувствовалась прущая мужская энергия, однако сейчас она направлена против меня, и по позвоночнику бегут мурашки страха.

Каждой клеточкой тела я ощущаю неприкрытую злость, исходящую от Артура. Даже черты его лица становятся жестче, острее, дыхание — тяжелее, а взгляд полон арктического льда.

Я упираюсь в его мощную грудь ладонями и изо всех сил отталкиваю от себя.

Куда там, он почти не шевелится. Неудивительно, учитывая, какими маленькими кажутся мои ладони на фоне размаха его плеч.

— Отпусти, — морщусь, — ты меня пугаешь.

Только тогда муж, будто очнувшись, убирает ладонь с моего подбородка. На его лице отображается мыслительный процесс, и он снова превращается в того Артура, которого я знаю.

Пользуясь моментом, дергаюсь в сторону, но он не позволяет мне сбежать: упирает ладони в столешницу по обе сто-

роны от меня.

Я в капкане.

— Ева, — ровным тоном начинает муж, — я хочу по-хорошему. Неужели для тебя наши отношения ничего не значат?

— Для меня не значат? — вскидываю брови. — Это ты нашел себе любовницу на работе, не я.

— На работе? — изумляется Артур. — С чего ты взяла?

— Неважно, — фыркаю. Признаваться, с чего я это взяла, естественно не собираюсь.

— Что ж, твой источник информации тебя подвел. На работе я работаю, и только.

Говорят, первая реакция — самая правдивая.

Удивление мужа выглядит совершенно искренним, неподдельным. Если так, значит, я ошиблась насчет той рыжеволосой девицы, сотрудницы его компании. Он изменяет мне не с ней.

Тогда с кем?

Умом-то я понимаю, что это знание ничего мне не даст, не отменит факта измен, а внутри все равно настойчиво скребется неутоленное желание узнать, кто это. На кого Артур меня променял.

— Кто она? — все-таки спрашиваю и сразу догадываюсь, что вопрос вышел риторический. Ответа я не получу.

Муж выдерживает мой прямой взгляд и продолжает:

— Мы двадцать лет жили в счастливом браке...

— Вот именно: жили. Больше не будем, — упрямо качаю головой.

— Всего сутки прошли, а ты уже все решила? Когда успела подумать и все взвесить? — снова заводится Артур, звонко ударяет ладонью по столешнице.

Я наконец юркаю в сторону и становлюсь так, чтобы нас разделял кухонный остров. М-да, ненадолго хватило мужа. По-хорошему он хочет, как же.

— Любая бы на твоём месте всеми силами держалась за такой брак! — продолжает напирать он.

— Я не любая.

— Не боишься остаться одна?

— Мне не семьдесят, чтобы бояться такого. Хотя даже в семьдесят люди находят пару.

— Святая наивность, — усмехается муж. — Думаешь, к сорокалетней женщине выстроится очередь из мужчин моего уровня? Такое бывает только в фильмах и дамских романах. Жизнь, Ева, куда прозаичнее. Очередь если и выстроится, то только из маменькиных сынков, альфонсов, гастарбайтеров или кого похуже.

Я медленно начинаю закипать.

— Вот как ты обо мне думаешь? — вскидываю бровь.

— Я говорю, что тебя ждет, только и всего.

— А ты у нас, значит, такой благородный, раз терпишь сорокалетнюю меня рядом?!

— Не перекручивай, — цедит сквозь зубы муж.

— Артур, — вздыхаю, — этот разговор никуда не приведет. Услышь меня: я не передумую. Как ты себе это представляешь? Как мне жить, добровольно деля тебя с другой? Зная, что ты выбираешь? Даже если по итогу решишь вернуться ко мне, я больше не смогу тебе доверять. Изведу и себя, и тебя. Разве это жизнь?

Я поднимаю на него полный боли взгляд, шепчу:

— Я... я так не смогу. Не смогу забыть. Это теперь всегда будет между нами каменной стеной. Понимаешь?

Пытаюсь найти в его глазах хоть толику озарения, но там ничего нет. Интересно, как бы он заговорил, если бы это я ему изменила?

— Это ты пока так считаешь, Ева. В общем, так: звони в ресторан и возобновляй заказ. Юбилей состоится. За это время как раз пройдут твои эмоции, ты остынешь и поймешь, что я прав.

— Ты в своем уме? — у меня перехватывает дыхание. — Я не стану сидеть перед сотней гостей, делая вид, что у нас все в порядке!

— Еще как станешь.

— Ради чего? Чтобы ты смог пообщаться с нужными тебе людьми? Меня это больше не...

Муж обрывает меня на полуслове:

— Нет, не ради меня. Подумай о детях. Или ты забыла?

Глава 7. За и против

Ева

Мои брови совершают стремительный марш-бросок вверх. Поверить не могу в то, что слышу от мужа.

Знает ведь, скотина такая, что я готова на все ради детей. Неужели собрался манипулировать мной через Павла и Полину?

— Ты сейчас серьезно? Собрался прикрываться детьми? — обалдеваю я. — А ты сам-то думал о них, когда кувыр-кался со своей любовницей? Вот уж вряд ли.

— Я не собирался ими прикрываться, — парирует он, сводя брови к переносице.

— Тогда в чем дело? Паше и Полине не по пять лет, они уже взрослые, Артур, — хмыкаю я, — знают, что такое измена и развод. Или ты собрался скрывать это от них? Не выйдет. Да, у них уже своя жизнь, но правду в мешке не утаишь.

— Хватит! Я не об этом, — недовольно морщится Артур, прерывая поток моего красноречия. — Не говори, что действительно забыла.

— О чем?

— О том, что на юбилей заедет Оливер Скотт.

И тут я охаю. Господи, я ведь и правда умудрилась забыть! Настолько сосредоточилась на себе и своих эмоциях после вчерашнего разговора с мужем, что этот факт совсем выле-

тел из головы.

— Вижу, припоминаешь, — усмехается Артур.

Да...

Оливер Скотт — невероятно влиятельный человек в бизнесе, у него международный холдинг с компаниями в США, Европе, в Китае и даже в Африке.

Артур знаком с ним, они общались при заключении какого-то важного договора в Европе.

Застать Скотта в России, а тем более в нашем городе — редкая удача.

Не так давно муж выznaл, что Оливер будет в городе буквально несколько дней, причем как раз в то время, когда мы собирались праздновать юбилей.

Он пригласил его вместе с Анатолием Красновым, не последним лицом в мэрии города. Не надеялся на удачу, однако повезло — Оливер Скотт вспомнил Артура и принял приглашение.

Даже больше: Анатолий замолвил словечко за наших детей, и Оливер обещал пообщаться с ними на юбилее. Сказал: если дети пошли в своего отца в плане бизнеса, то он устроит их на практику, а потом и на работу к себе в корпорацию.

Если все получится, то перед детьми откроются такие перспективы, которые многим даже не снились, ведь опыт работы в компании такого масштаба и уровня просто бесценен.

Но главное не это. Главное то, как засияли глаза Пашки, когда муж сказал детям об этом. Сын уже взрослый парень,

а прыгал до потолка от радости совсем как в детстве. Весь вечер потом благодарил отца и торжественно пообещал, что будет грызть гранит науки еще усерднее и сделает все, чтобы Оливер согласился устроить его к себе.

Полинка поначалу и вовсе не поверила, так и сидела с отъехавшей вниз челюстью. А потом начала прыгать вместе с братом. Я лишь тихонько посмеивалась, глядя на них в тот момент.

Могла ли я тогда подумать, как все в итоге повернется? Вот уж нет.

И что мне теперь делать?

Я закусываю губу, а в мозгу со скоростью света начинают крутиться шестеренки.

— Может, получится связаться с Оливером Скоттом позже?

— Ты же знаешь, что нет, — качает головой муж. — То, что он заедет — уже крупная удача. Один шанс на миллион.

— Так достань его номер телефона, попроси у Анатолия.

— Это невозможно. Свой номер Оливер дает сам, кому считает нужным. В ином случае и говорить не станет. Ева, я ведь уже рассказывал тебе все это.

Рассказывал. Вот только ситуация тогда была другая.

— И что, нет совсем никаких вариантов?.. — шепчу, обреченно опуская голову и зная, какой получу ответ.

— Нет.

— Понятно.

— В общем, решай: отменяем юбилей, а вместе с ним и встречу с Оливером, или нет.

Муж демонстративно отворачивается. Подходит к кофемашине, и вскоре раздаётся жужжание, а затем готовый напиток наполняет кружку и комнату узнаваемым ароматом.

Я прислоняюсь спиной к стене и застываю, глядя в одну точку.

Как подумаю о том, что придется весь вечер сидеть с приклеенной на лице улыбкой, так тошнота подкатывает к горлу.

Как я буду принимать поздравления и пожелания, зная, что наш брак разлетелся на мельчайшие осколки? Совсем как та фарфоровая статуэтка лебедей, которую я купила в подарок мужу и расколотила вчера.

Или еще хуже: услышать «горько» и целовать мужа, которого мне и видеть-то больно, не то что обнимать и целовать.

С другой стороны, дети... Да, они не пропадут, им не придется начинать с самых низов, как мне и Артуру. Но материнское сердце сжимается до боли, когда вспоминаю эти горящие глаза и счастливые улыбки.

Могу ли я лишить их такого шанса? Поймут ли они? Не станут ли винить? И главное — не буду ли потом винить себя сама? Не зря ведь говорят: никто не сможет наказать человека больше, чем он сам себя накажет.

В голове еще какое-то время крутятся разные мысли. За и против. Против и за.

Артур спокойно попивает кофе, периодически поглядыва-

вает на меня, и только. Не мешает.

Спустя какое-то время я выпрямляю спину и поджимаю губы.

— Подумала? — спрашивает муж.

— Да.

— И что решила?

Глава 8. Идея

Ева

Как только я закрываю за мужем входную дверь и устало тру лоб ладонью, из сумочки раздается мелодия сотового.

Артур что-то забыл? Нет, вряд ли, иначе просто вернулся бы.

Достаю мобильный и вижу на экране фотографию Марины, моей подруги.

— Да, — отвечаю.

— Привет. Ев, ты помнишь о договоре, который должна была скинуть до сегодняшнего вечера? Я его так и не дождалась.

У Марины свое бюро переводов, и с тех пор как дети подросли, я работаю там внештатным переводчиком — в основном письменным, но иногда езжу и на устные переговоры.

Не потому что мне нужны деньги, просто не хочу забывать языки. В конце концов, зря я, что ли, оканчивала факультет романо-германской филологии?

— Черт, — стону вслух. Стараюсь, чтобы голос не выдал моего состояния, однако из горла сам собой вырывается судорожный всхлип. — Мариночка, прости, можно я скину его чуть позже?

Подруга сразу догадывается, что дело нечисто, ведь я еще ни разу за все время работы не срывала сроки. Встревоженно

интересуется:

— У тебя все в порядке? Что случилось?

— Я... — протяжно вздыхаю. — Артур мне изменяет.

На том конце провода раздаются отборные цветастые ругательства, хоть записывай.

— Он дома?

— Нет, уехал.

— Жди, скоро буду.

Марина приезжает через полчаса, и, когда открываю дверь, обеспокоенно вглядывается в мое лицо:

— Ты как вообще?

Я лишь молча качаю головой. Что тут сказать? Хреново я. Как еще?

— Понятно, глупый вопрос, извини. Я с лекарствами.

Она покачивает в воздухе коробкой с тортом:

— Твой любимый «Наполеон». И вот еще.

Во второй руке у нее прозрачный пакет с огромным ве-дерком моего любимого шоколадного мороженого.

Ох, если бы это все могло хоть чуточку заглушить мою боль... Боюсь, сейчас мне поможет только полная анестезия чувств.

Мы устраиваемся на кухне, и, пока я разливаю в чашки мятный чай и режу торт, делюсь с Мариной последними событиями.

Она всегда была отличным слушателем, вот и теперь дожидается, пока я закончу, и лишь живая мимика на ее лице

отчетливо выдает ее эмоции.

Когда дохожу до того, что мне пришлось решать, отменять юбилей или нет, подруга прокашливается.

— М-да-а-а... — тянет. — Что-то мне подсказывает, ты согласилась на этот гребаный праздник ради детей, так?

— Так, — киваю.

— Может, стоило поговорить с Пашкой и Полей? Я уверена, они встанут на твою сторону и не захотят, чтобы ты насиловала себя и участвовала в этом цирке.

— Вот именно, Марин. Они сделают это ради меня. Но я ведь их мать, и это моя задача: защищать детей и сделать все ради их будущего, а не наоборот. Не хочу ставить их перед таким выбором без выбора.

— Ну супер! — восклицает подруга. — А себя ставить перед таким выбором, значит, можно?

— Не нагнетай, и так тошно, — болезненно морщусь. — Я сразу сказала Артуру, что соглашаюсь с одним условием.

— Каким?

— Я больше палец о палец не ударю ради этого юбилея, он будет заниматься всем сам. Я же отменила заказ в ресторане, дала отбой оформителям, флористам и всем остальным. Ему придется изрядно попотеть, времени-то мало.

Марина давится смешком.

— Так ему! — Но быстро серьезнеет и вкрадчиво интересуется: — А дальше что? Я так понимаю, развода он не хочет?

— Не хочет, хотя я, честное слово, никак не пойму почему.

— Слу-у-ушай, — задумчиво щурится Марина, убирая каштановую прядь волос за ухо. — Я вот что думаю: Артур и так чувствовал вину за свои похождения. И ты, вся такая счастливая, с подготовкой к юбилею и своей любовью, неосознанно ткнула его носом в то, какой он судак. Он, похоже, вообще не собирался признаваться, тем более расставаться, просто вспылил. Переложил вину на тебя.

— Может, и так, — пожимаю плечами. — Но он ведь сам пел, что ему надо подумать, что у него с той рыжеволосой чуть ли не родство душ.

— Ну, это он сам себя пытался оправдать, почему вообще изменил, а как понял, что дело пахнет керосином, засуетился.

— Засуетился он... Поздно пить боржоми, — вспоминаю известную народную присказку.

— Точно? Не жалко, что его уведет какая-то рыжая ляхудра? Все-таки двадцать лет вместе.

— Марин, что значит уведет? Артур что, баран или козел? Пасся себе на солнечной зеленой лужайке, никого не трогал, щипал травку. Потом пришла пастушка, а дальше все как в тумане. Так, что ли? Он сам завел эти отношения. Или думаешь, забыл, что женат уже двадцать лет?

— Баран и есть, — шепчет подруга, — такую жену упустить. Не той головой он думает!

Сердце снова скручивает мучительным спазмом, как только перед внутренним взором вспыхивает до обидного яркая картинка: муж лежит в постели с обнаженной рыжеволосой красоткой, у которой вместо темное пятно.

Я машу рукой, отгоняя болезненное видение, и продолжаю:

— К тому же он ведь даже не попытался поговорить со мной, вместо этого сразу начал давить. Ой, короче...

Умолкаю, чувствуя, что еще чуть-чуть, и снова расплачусь.

— Так, — вскакивает Марина, начинает суетиться по кухне. Лезет в морозилку, достает ведро с мороженым, ставит передо мной и кладет рядом ложку. — Ешь.

— Да не хочу я, — отнекиваюсь. — Не лезет.

Я и к тарту не прикоснулась.

— Ешь, — насаждает она, — тебе сейчас нужны эндорфины. И еще тебе нужно не сидеть тут, в четырех стенах, где все напоминает о муже, а съездить куда-нибудь, развеяться, отвлечься.

— Куда? Сильно сомневаюсь, что получится отвлечься. Мозгу и сердцу не прикажешь, знаешь ли. Мысленная бетономешалка никак не останавливается, — сетую я.

— Приказать не прикажешь, а вот помочь можно. Есть у меня одна идея...

— Какая? — спрашиваю с робкой надеждой.

Марина озвучивает ее в деталях, и я соглашаюсь — идея

действительно отличная.

И Артуру точно не понравится.

Глава 9. Тонкое искусство

Артур

За свою многолетнюю успешную карьеру я заключил массу договоров, провел сотни переговоров. Не все из встреч проходили гладко, но я хотя бы четко знал, что делаю и с какой целью.

Когда жена передала мне организацию юбилея, я опрометчиво согласился, и... уже неоднократно успел об этом пожалеть. Мне и в голову не могло прийти, каким это все окажется геморроем.

После сброшенных в мессенджер фотографий и последующего сообщения с просьбой сделать очередной выбор, причем желательно вчера, у меня в прямом смысле слова дергается левое веко. Я силюсь, но никак не могу понять, к чему эти долбаные декораторы так все усложняют.

Сдается мне, у них четкий план, которому они беспрекословно следуют, — довести меня до белого каления.

И флористы туда же. Вместе с шеф-поваром ресторана.

Я хотел вчера вечером съездить домой, снова поговорить с Евой, но куда там — пришлось разгрести основную работу после того, как раздал указания по поводу юбилея. В итоге задержался в офисе до двух ночи.

И я сильно просчитался, когда решил, что дальше обойдутся без меня.

Пять минут назад мне прислали фотографии салфеток на выбор с вопросом, какой оставить: светло-кремовый, молочно-кремовый, кремово-белый или нежно-кремовый.

И все эти пять минут я как последний debil пялюсь на абсолютно одинаковые бежевые картинки в тщетных попытках понять, в чем же, черт его дери, между ними разница. И не понимаю. Какая в этом цель? Что изменится от этого выбора?

Злобно пялюсь на все растущую кипу бумаг, которые мне приносит секретарь и которые срочно нужно разобрать. А я вместо этого выбираю салфетки, мать их так! В конце концов, тыкаю пальцем наугад, отправляю сообщение: «Эти».

Затем приходит очередь шеф-повара. Он уже в третий раз напоминает, что мне необходимо явиться и перепробовать все блюда, чтобы окончательно согласовать меню. Салаты, закуски, вторые блюда, десерты и тому подобное... По-хорошему, мне надо там прописаться на полдня, но в сутках всего двадцать четыре часа — времени решительно не хватает.

И согласование меню еще не все — одна рассадка гостей чего стоит. Не рассадка, а точная наука.

Никитиных нельзя сажать с Адоевыми, потому что их дети собирались пожениться, а потом что-то случилось, свадьбу отменили, и теперь эти семьи негласно враждуют.

Аверины не хотят сидеть с Благоевыми, Сойкину непременно нужен стол ближе к выходу, Чехов непременно желает сидеть с Коробовыми, потому что им «есть о чем погово-

ритель», и так далее, и так далее. Одним словом, голова идет кругом.

Я рисую на листе А4 уже третий список, однако вскоре сминаю и его, со злостью бросая бумагу в мусорную корзину.

— Надежда Игоревна, — вызываю секретаря, — принесите мне кофе.

Еще через час задаюсь вопросом: как вообще можно справиться с этим, не поехав кукухой? Честное слово, за долгие годы работы еще ни одни переговоры не взорвали мне мозг так, как эта подготовка.

Как Ева умудрялась делать все легко и непринужденно? Это, оказывается, тонкое искусство. К слову, юбилей — далеко не первый и даже не десятый прием такого уровня, который она организовала.

В конце концов, я забрасываю идею закончить сегодня список рассадки гостей. Лучше съезжу вечером к жене, наверняка у нее уже есть готовый, пусть поделится.

В девятом часу вечера въезжаю на участок, но когда выхожу из машины, подмечаю, что ни в одном окне не горит свет.

Через несколько минут выясняю, что Евы, и правда, нет дома, хотя ее машина в гараже.

В голове шальной пулей проскакивает мысль: что, если она съехала?

Знала, поди-ка, что подготовка займет все мое время, как свободное, так и рабочее, и свалила втихоря.

Решительным шагом поднимаюсь в нашу с ней спальню, иду напрямиком в гардеробную и выдыхаю: ее вещи на месте. Вот только все ли? Понятия не имею.

Задумчиво разглядываю ряды вешалок, перевожу взгляд выше и вижу зияющее пустотой место на самой верхней полке. Точно помню, что там был чемодан Евы, потому что сам его туда запихивал.

На скулах начинают ходить желваки. Значит, все-таки куда-то уехала. Будто мало этого, даже не посчитала нужным сообщить об этом собственному мужу.

Ну, и где ее носит? Изнутри поднимается беспокойство: Ева еще ни разу не уезжала куда-то так, чтобы я об этом не знал.

Надо ж было додуматься! А если с ней что-то случится? Могла бы догадаться, что я, вообще-то, переживаю за нее!

Уверен: она сделала это назло мне. Сбросила на меня всю подготовку и была такова.

Не мешкая достаю из кармана сотовый, чтобы набрать ее, но как только включаю экран, поступает входящий звонок.

— Привет, — бодро здоровается со мной сын. — Не занят?

— Не занят.

— Пап, ты случайно не знаешь, где мама? Мне надо обсудить с ней кое-что, но она не взяла трубку.

И что мне ему сказать? Что я понятия не имею, где моя жена и его мать? Беспокойство становится все сильнее, пе-

перастает в тревогу: ладно я, но почему Ева не ответила на звонок сына? Однако пугать его не хочу, сначала сам все выясню.

Отвечаю:

— Не знаю, Паш. Может, у подруг или в салоне.

— А-а, понятно. Ладно, подожду, пока перезвонит.

Я нажимаю на сброс и тут же набираю начальника своей службы безопасности. Приказываю пробить по номеру телефона, где моя жена.

Пока жду информацию, мрачно брожу по пустому тихому дому, а когда мне наконец сообщают, где Ева, скриплю зубами от злости.

Глава 10. Возвращайся

Ева

«Там сейчас вполне комфортная погода, не то что летом»,
— вспоминаю я слова Марины.

Честно говоря, даже подумать страшно, что в Дубае творится летом, если температура в плюс тридцать три градуса вечером считается комфортной. Хорошо хоть, что легкий бриз с Персидского залива приносит освежающую прохладу.

Все же это была хорошая идея — согласиться на предложение подруги и приехать сюда на четыре дня. Следующие три буду работать устным переводчиком, а сегодня знакомлюсь с городом — я здесь впервые.

Скоро стемнеет, и я неспешно прогуливаюсь по набережной.

Поначалу расстраиваюсь, что забыла сотовый в номере и не смогу фотографировать, но потом решаю, что так даже лучше: так я буду полной мере наслаждаться видами, запечатлевая их в памяти. А тут есть на что посмотреть.

Справа от меня — небоскребы, и в их стеклянные фасадах отражаются последние лучи уходящего солнца. Я даже замираю на минуту, настолько потрясающе выглядит красивая игра света и тени на зданиях.

Затем продолжаю медленно идти по идеально ровной дорожке из светлого камня мимо многочисленных ресторанов

и кафе.

Однако у меня совсем нет аппетита, поэтому прохожу мимо, глядя на бескрайнюю гладь Персидского залива. Вслушиваюсь в тихий шепот волн, и на какое-то время все мои проблемы отходят на второй план, хотя по-прежнему маячат на заднем фоне.

Еще через час прогулки ноги начинают гудеть, и я возвращаюсь в номер отеля.

Практически сразу обнаруживаю пропущенный звонок от сына и пишу ему в мессенджер.

Короткую переписку Паша заканчивает сообщением со смайликами: «Ну что, готова отпраздновать двадцать лет и прожить вместе с папой еще двадцать?»

Затем добавляет: «Не, двадцать мало, лучше сорок».

Вроде бы совершенно невинный вопрос, а я цепенею с телефоном в дрожащих руках.

Глаза мгновенно наполняются влагой так, что экран сотового расплывается, превращаясь в нечеткое пятно. Вытерев слезы тыльной стороной ладони, я отделяюсь смайликом, желаю сыну спокойной ночи и кладу мобильный на кровать рядом с собой.

Все те эмоции, которые я почти успешно давила весь день, снова вырываются наружу. Даже не знаю, какая из них сильнее.

Я грустно усмехаюсь. Еще двадцать или сорок лет вместе? Их уже не будет.

Вот так вот строишь-строишь жизнь кирпичик за кирпичиком, а постройка оказывается не крепким зданием, а неустойчивым соломенным домиком.

Сердце снова пронзает острая боль, а мысли о предательстве Артура вызывают спазмы.

Я ведь так верила в него... Ему верила.

Противное чувство разочарования сдавливает грудную клетку, мешая дышать.

Ужасно мерзко думать о том, что он был с другой, а потом как ни в чем не бывало ложился в нашу постель, и я засыпала у него на плече. На плече, на котором, скорее всего, до этого лежала *она*.

Хуже всего то, что теперь я сомневаюсь во всем, что было между нами. Что из этого было настоящим, а что нет? Как долго я носила розовые очки?

Странно, но я чувствую и стыд, как будто это я в чем-то виновата. Может, была плохой женой? Может, что-то делала не так? Эти мысли вгрызаются в меня со вкусом, хотя разумом я понимаю, что не должна винить себя.

Мне опять хочется кричать, швырять вещи, выплеснуть наружу злость так же, как я сделала это в тот вечер, когда все узнала. Но вот что удивительно: в то же самое время я чувствую себя совершенно опустошенной, силы на это сдулись, как воздушный шарик.

Так и сижу какое-то время, пытаюсь прийти в себя. Интересно, когда станет легче? Когда эмоции и эта нескончаемая

душевная боль утихнут?

Скорее бы уже утро и работа, хоть отвлекусь.

Я раздеваюсь и иду в душ. Долго-долго стою под струями теплой воды, как будто смывая с себя все пережитое.

А когда накидываю на себя халат, голос подает робкая надежда внутри меня.

Шепчет: «Может, мы еще можем все исправить?»

Я тут же трясую головой, одергивая себя. Нет, я знаю себя, знаю, что не смогу когда-нибудь простить Артура или снова поверить ему. Тем более ему и вовсе это не нужно, судя по всему. Он даже прощения не попросил.

«А если он прав, и ты больше никого себе не найдешь?»

Э нет, вот это точно не повод быть вместе: терпеть любые выходки мужа из боязни остаться одной.

«Точно развод? Не торопись!» — снова шепчет тот же голосок.

Точно. Можно подумать, решение о разводе далось мне легко. Разумеется, нет. Но я чувствую, что по-другому не смогу.

Мне нужно найти в себе силы двигаться дальше, как бы больно это ни было. Я больше не могу и не хочу жить во лжи. Пусть это будет трудно, но я должна начать новую главу своей жизни. Без Артура.

Стоит только опять вспомнить его имя, как на кровати загорается экран мобильного, высвечивая фото мужа.

Я вздыхаю и отвечаю:

— Да.

— Что ты делаешь в Дубае? — рычит в трубку он.

О как. Ни «здравствуй», ни «как ты», сразу претензии. И главное, уже вызнал, что я тут. Впрочем, неудивительно — с его-то возможностями.

Сердце начинает стучать быстрее. Ну, началось.

— И тебе добрый вечер, — хмыкаю.

— Добрый? Ни хрена он не добрый! Я приехал, а тебя и след простыл. Ты считаешь, это нормально? — Муж срывается на крик. — Уехала, не сказав ни слова! Как же юбилей?

— Артур, — отвечаю тихо, — я буду на нем, как и обещала. Все в силе.

Мой спокойный тон отчего-то злит мужа еще больше, и он гремит:

— Сгрузила на меня всю подготовку, а сама отдыхаешь? Чтобы завтра вернулась обратно!

Он продолжает свирепствовать, говорит и говорит что-то еще, не давая мне вставить ни слова, и я отслоняю телефон от уха, чтобы не оглохнуть.

А затем вдруг резко чувствую какое-то странное, не пойми чем вызванное спокойствие, как будто внутри перегорела какая-то лампочка.

Вклиниваюсь в его монолог:

— Я не намерена продолжать разговор в таком тоне, Артур.

И кладу трубку.

Глава 11. Маршрут перестроен

Ева

Я с внутренним содроганием жду, что муж перезвонит.

Он привык, что последнее слово остается за ним, а у меня нет моральных сил ни на очередную перебранку, ни тем более на попытки не превращать разговор в скандал.

Раньше я частенько уступала Артуру, старательно сглаживая острые углы. Впрочем, мне это не составляло особого труда, потому что я любила его так сильно, что этой любовью была заполнена каждая клеточка моего тела.

В конце концов, почему не уступить любимому мужу, за которым я как за каменной стеной?

Конечно, совсем без ссор не обходилось, но на мелочах я не заикливалась, потому что помнила напутствия мамы и бабушки, которые они дали мне в день нашей с Артуром свадьбы.

Я тогда сидела в скромном свадебном платье на стуле перед зеркалом, в квартире родителей. В воздухе витал аромат L'Eau Par Kenzo, мамины руки порхали над моей головой — она пристраивала фату в мои волосы. Бабушка же периодически вздыхала, украдкой вытирая слезы, тихонько шептала: «Совсем взрослая стала наша девочка...»

«Ева, как только начнете ссориться, задай себе вопрос: ты хочешь быть правой или счастливой? Получишь ответ, пой-

мешь, как действовать», — советовала мама.

«Внученька, запомни, — вторила ей бабуля, — у всех есть минусы, но если делать упор на них, они очень быстро затмят собой плюсы. Следи за тем, чтобы такого не произошло. Знаешь, в чем секрет долгого успешного брака? В терпении».

Я, как и любая окрыленная любовью и счастьем невеста, отмахивалась: «Ма-а-ам, ба, хватит». Тогда мне казалось: ну какие такие ссоры, мы же так любим друг друга! Артур — мой первый и единственный, и я собиралась прожить с ним всю жизнь.

Всю мудрость данных мне советов я оценила уже потом, когда пошла притирка, проблемы с деньгами, рождение детей и бессонные ночи. Выматывалась и я, и Артур, однако вместо того, чтобы устраивать скандалы с битьем посуды и закатыванием глаз, я старалась договориться мирно.

Раньше старалась. Больше не буду.

Я вынырываю из воспоминаний и с удивлением отмечаю, что прошло уже пятнадцать минут, а муж так и не перезвонил. Прямо удивительно, я-то думала, оборвет телефон.

Неужели понял, что перегнул палку?

Так, ладно, завтра важная встреча, нужно быть в форме. Я выключаю свет, забираюсь в огромную кровать и... лежу в темноте гостиничного номера. Сон никак не идет. Ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь найти удобное положение, а оно все не находится.

В голове разрозненным роем кружатся воспоминания счастливых моментов нашей совместной жизни, но все они теперь окрашены горечью.

В какой-то момент я все же проваливаюсь в объятия Морфея и просыпаюсь от звонка будильника. Моргаю, стряхивая остатки сна, и потягиваюсь в кровати.

Потом начинается привычная рутина: душ, макияж и утренний кофе, чтобы взбодриться.

Не успеваю сделать и пары глотков, как телефон вибрирует. На экране высвечивается имя Артура, и я тяжело вздыхаю.

Ждал, бедняга, до утра. Терпел, превозмогал. И сейчас наверняка звонит не за тем, чтобы просто пожелать мне доброго утра.

Решаю смалодушничать и не отвечать, чтобы не портить себе настроение на весь день, но муж поразительно настойчив. Я сдаюсь на пятом подряд звонке, когда включается тревога: вдруг что-то случилось?

— Да, — снимаю трубку.

— Привет. Как твой отдых?

Голос Артура звучит неестественно миролюбиво.

Чего это он такой добренький? Где крики, давление и моральный прессинг?

Совсем не к месту в голове голосом Алисы из навигатора звучит: «Маршрут перестроен».

Потом до меня доходит суть вопроса: похоже, он не в кур-

се, что я здесь работаю, а не отдыхаю, однако разубеждать его не спешу.

— Нормально, — отвечаю коротко.

— Как у тебя дела? — все так же миролюбиво интересуется муж.

Внутри меня поднимается раздражение.

Серьезно? Он мне изменяет, говорит, что ему на фиг не уперлась моя любовь, отправляет двадцать лет брака коту под хвост, а потом спрашивает, как мои дела?

Цвету и пахну, блин!

— Что ты хотел? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Поговорить.

— Это не потерпит несколько дней?

— Нет.

Ну, кто бы сомневался.

— И о чем ты хотел поговорить? — уточняю.

— О нас. Я хочу, чтобы мы...

— О нас? — обрываю я мужа на полуслове. — Нас, Артур, больше нет!

— Ева, мы столько лет вместе, у нас дети. Неужели ты готова все это перечеркнуть?

— Это ты все перечеркнул, не я.

— Я знаю, что совершил ошибку.

К горлу подкатывает тошнота от этих пафосных слов.

— Ошибка, милый, это когда ты случайно разбил дорогую коллекционную вазу, нечаянно забыл ключи от машины в

салоне и тому подобное. То, что ты сделал, это никакая не ошибка, это выбор.

Ошибся он, ага.

Переспал со своей рыжей и почесал затылок с фразой «ошибочка вышла». А потом повторил этот увлекательный процесс фиг его знает сколько раз.

Стоит мне представить эту картину, как мой стоп-кран окончательно срывает.

— И вообще, как же твоя любовница? Ты ведь хотел съесть, подумать, кого из нас выбрать, — напоминаю ему его же слова. — Так быстро решил?

— Ты с самого начала меня не так поняла, не дала мне ничего объяснить по-человечески.

— Опять я виновата?

— Твою мать, Ева! — С мужа все-таки слетает маска показного добродушия. — Ну как с тобой разговаривать, если ты воспринимаешь в штыки любую мою фразу?

На другом конце линии повисает тяжелое молчание. Затем он снова берет себя в руки и продолжает:

— Прости. Ты права, не стоило начинать этот разговор сейчас. Поговорим лицом к лицу, когда ты вернешься. Хорошего дня.

Он отключается, а я в полном обалдении смотрю на погасший экран телефона.

Я, видите ли, не дала ему что-то там объяснить. Что именно? По-моему, он объяснил все максимально четко, понятно

и доступно. До меня лично дошло.

В душе полный раздрай после нашего разговора, и настроение скатывается к уровню плитуса. Зачем только ответила на звонок?

М-да, отличное выдалось начало дня.

Из номера я выхожу в полном смятении. Внутреннее чутье настойчиво твердит, что по приезде домой меня ждут сюрпризы.

Однако сюрпризы начинаются уже сегодня. Целых два.

Глава 12. Сюрпризы

Ева

Я тереблю ремешок своей сумочки, стоя в просторном холле отеля Бурдж-Эль-Араб.

На мне легкое приталенное летнее платье пастельных тонов — я должна выглядеть непринужденно, но профессионально, ведь буду переводчиком на первой встрече пары, познакомившейся в интернете.

Джованни, итальянский бизнесмен, и Алиса, русская художница, решили провести свое первое свидание в нейтральной обстановке — в Дубае.

В итоге я замечаю Джованни первым. Высокий, загорелый мужчина в бежевом льняном костюме нервно оглядывается по сторонам, явно разыскивая кого-то взглядом. Через полминуты появляется и Алиса — изящная блондинка в длинном струящемся сарафане.

Пара встречается взглядами, и я улыбаюсь: очевидно, что они понравились друг другу.

Подхожу к ним и представляюсь, здороваясь.

По мере того как развивается разговор, я стараюсь незаметно направлять общение, сглаживая культурные различия и помогая паре лучше понять друг друга. Старательно перевожу не только слова, но и эмоции, жесты, тонкие, незаметные обычному глазу нюансы.

Джованни и Алиса решают прогуляться по набережной, и через какое-то время наконец-то ощутимо расслабляются. Их беседа течет свободнее, как ручеек.

В итоге через несколько часов они даже периодически пытаются общаться и вовсе без меня, используя международный язык — язык жестов и мимики, задорно и довольно смеются, когда им удастся понять друг друга.

Я с улыбкой, но в то же время с затаенной грустью наблюдаю за ними, вспоминая свою первую встречу с Артуром. Могла ли я тогда подумать, как все повернется? Нет.

Надеюсь, хоть у этой пары все сложится наилучшим образом.

Вскоре мы снова возвращаемся в отель, договариваемся о встрече на завтра, и я прощаюсь с Алисой и Джованни. Итальянец уходит первым, и Алиса, прижимая ладони к пылающим щекам, возбужденно шепчет:

— Ева, как вы думаете, я ему понравилась?

— Даже не сомневайтесь, — отвечаю с улыбкой.

— Вы знаете, это мой первый опыт знакомства с иностранцем, — откровенничает Алиса. — Вдруг что-то пойдет не так?

Я успокаиваю Алису как могу, прощаюсь с ней и иду к выходу, как вдруг слышу за спиной мужской голос:

— Ева?

Оборачиваюсь и вижу перед собой темноволосого плечистого и симпатичного мужчину лет сорока с небольшим.

Взгляд карих глаз цепкий, внимательный.

Подмечаю на его руке часы, которые обычный турист точно не сможет себе позволить. Да и светлый костюм явно пошит на заказ. Я привыкла разбираться в таких вещах, потому что у мужа такие же.

Первая мысль: неужели Артур подослал ко мне кого-то?

Видимо, я слишком долго молчу, потому что незнакомец уточняет с приятной бархатной хрипотцой:

— Вас зовут Ева, верно?

— Верно, — киваю.

— И вы переводчик?

— Да.

— Вас мне сам бог послал, — расплывается в широкой белозубой улыбке мужчина. — Я Лев Аристов, приятно познакомиться.

— Взаимно, — все еще не понимаю, что ему нужно и к чему он ведет.

— Мой переводчик внезапно заболел и не смог прийти на встречу, — объясняет Лев. — Завтра я улетаю, поэтому переговоры необходимо провести именно сегодня.

Что ж, радуется, что это точно не от мужа.

— Какая тематика? — во мне сразу включается профессионал.

— Кибербезопасность, — отвечает Аристов, и по моей спине бежит холодок.

Это ведь явно специфическая лексика. Я бы и рада по-

мочь, но вдруг не справлюсь?

— Может, вам лучше обратиться на стойку ресепшн? Отель такого уровня наверняка предоставляет услуги переводчиков.

— Уже обращался. У них есть свободный переводчик, который знает арабский и английский, вот только мой уровень английского не настолько хорош, — разводит руками Лев. — Пока общался с сотрудницей, краем уха услышал, как вы переводили с итальянского и обратно. Араб, с которым я буду вести переговоры, как раз в совершенстве владеет итальянским и сможет говорить на нем. Ну что, поможете?

Лев сопровождает свой вопрос обаятельной улыбкой, однако взгляд остается максимально серьезным.

— Я обязательно компенсирую ваше время и ваши услуги, Ева.

— Лев, — отвечаю максимально честно, — дело не в этом. У меня практически нет опыта в теме кибербезопасности.

— Я не сомневаюсь, вы справитесь. — Он бросает взгляд на часы и добавляет: — До встречи еще полчаса, я успею ввести вас в курс дела.

Я раздумываю еще с полминуты, а потом мысленно машу рукой: была не была. Зато какой опыт!

— Хорошо, я согласна.

— Тогда прошу, — Лев указывает куда-то внутрь отеля.

Мы идем к лифтам, и вскоре я уже оказываюсь в роскошном конференц-зале с панорамными окнами, откуда откры-

вается потрясающий вид на футуристический город и лазурную гладь Персидского залива.

Вот только мне не до созерцания местных красот — я жутко нервничаю, а сердце стучит так часто, как будто вот-вот выпрыгнет из груди.

Зато Лев совершенно спокоен. Он методично вводит меня в курс дела, и его непоколебимая уверенность в конце концов передается и мне.

Через полчаса внутрь входит араб в белом одеянии, и переговоры начинаются.

Местами мне приходится проявить чудеса изобретательности, используя свои житейские знания и интуицию, чтобы передать суть, не теряя нити разговора.

Когда все наконец заканчивается, я чувствую себя выжатой как лимон. Ощущение, будто я разгрузила сотню вагонов.

Мне казалось, что мужчины разговаривали целую вечность, хотя на деле прошло всего полтора часа. И, судя по довольным лицам участников, я все-таки справилась.

Я выдыхаю, пока Лев провожает араба из конференц-зала. Затем поворачивается ко мне.

— Вы живете в этом отеле? — уточняет.

— Нет.

— Тогда я вас отвезу.

— Не стоит, — качаю головой.

— Еще как стоит, Ева. Вы спасли мои переговоры, и это

меньшее, что я могу для вас сделать. Подождите немного, я возьму в номере ключи от машины, и поедем.

Вскоре мы подходим к его роскошному роллс ройсу, и Лев жестом заправского фокусника достает с заднего сиденья огромный букет белоснежных пионов.

— Это вам, — улыбается.

Я охаю. Когда он успел это все провернуть? Его ведь не было буквально минут пять-десять.

— Спасибо, — благодарю его и улыбаюсь в ответ.

Вот так сюрприз! Он ведь не мог знать, что это мои любимые цветы, однако попал в точку.

Лев галантно открывает мне дверь со стороны пассажирского сиденья, и мы едем по вечернему Дубаю.

Аристов задает тон нашей непринужденной беседе, рассказывает, в каких странах успел побывать, интересуется, как долго я работаю переводчиком и где побывала сама. При этом весьма тактично обходит личные темы.

За неспешной беседой время пролетает незаметно, и вот он уже останавливает машину у входа в мой отель.

— Приехали.

Лев помогает мне выйти, вручает мне цветы и белый конверт.

— Это за работу, — поясняет.

— Спасибо.

Мы прощаемся, и я захожу внутрь.

Не успеваю пристроить цветы в вазу, как раздается стук

в дверь.

Спешу открыть, а там работник отеля, причем я вижу только его ноги, потому что весь торс и голову закрывает букет пионов. Второй за сегодняшний день.

Вот те на.

— Вам доставка, — слышу приглушенный голос.

— От кого? — приподнимаю бровь.

— Внутри открытка.

Я забираю букет у посыльного, сразу прошу принести вазы, потому что мне просто некуда поставить такое количество цветов.

Прислоняю букет к стене и наконец замечаю открытку. Достая ее, открываю и округляю глаза.

Да тут целое послание.

От мужа.

Глава 13. Любовное послание

Ева

Записка написана совсем не почерком Артура. Оно и понятно, он просто ее надиктовал.

«Ева,

Жаль, я не могу вручить эти цветы лично, так как занят подготовкой к юбилею...»

М-да...

Пассивная агрессия как она есть.

Я аж прокашливаюсь от такого «оптимистичного» начала и явного укола в мою сторону: как я посмела сбавить на Артура то, чем обычно занимаюсь сама.

Я более чем уверена: муж не подозревал, сколько сил и времени занимает организация такого масштабного мероприятия, и окончательно зашил.

Однако вместо сочувствия мне хочется скомкать записку или порвать ее на мельчайшие кусочки.

Можно подумать, это я виновата, что Артур не смог приехать! И, если уж на то пошло, он последний, кого я сейчас хочу видеть.

Глубоко вздыхая, все-таки решаю продолжить чтение, но меня отвлекает внезапный звонок телефона.

Марина.

— Ну ты чего не звонишь? Как ты? Как первый рабочий

день? Не пожалела, что поехала? — как только снимаю трубку, подруга сыплет вопросами как из рога изобилия.

— Тише, тише, — посмеиваюсь я. — Давай по порядку.

Рассказываю, что с Алисой и Джованни все прошло прекрасно, они понравились друг другу и вряд ли возникнут какие-то сложности. Затем сообщаю, как помогла с переговорами новому знакомому.

— Симпатичный? — заинтересованно уточняет подруга.

— Сколько ему лет?

— Мари-и-ин!

— Ну что Марин, — цокает подруга, не отстает: — Так что, симпатичный? Сколько ему?

Я описываю его внешность, упоминая, что довез до отеля и подарил цветы, и Марина восклицает:

— Видишь, стоило только выйти за дверь, и сразу новое знакомство!

— Ну-ну, — хмыкаю я. — Мне сейчас, знаешь ли, совсем не до этого. Я не рассматривала его как мужчину для отношений.

— Зато он точно смотрел на тебя как на женщину, — парирует Марина. — Иначе не стал бы дарить цветы, отделался гонораром за переговоры, и все.

— Скажешь тоже...

— Вот именно: скажу! Ты просто привыкла к своей красоте, плюс верная до мозга костей, вот и не замечаешь, как на тебя реагируют мужчины. И муж твой, который объелся

груш, кажется, совсем забыл об этом. Ничего, скоро вспомнит. Так, ладно, ты мне вот что скажи: планируешь встретиться с новым знакомым снова? Вдруг свободен, а?

— Не планирую, и вряд ли мы еще когда-нибудь с ним увидимся. Он говорил, что улетает завтра.

— Жалко. Погоди, вы что, даже телефонами не обменялись?

— Нет, зачем?

— Ну ты даешь... — разочарованно вздыхает подруга. — Пообщалась бы. Даже если без продолжения, тебе сейчас важно осознать, что на Артуре свет клином не сошелся.

Она еще несколько минут сетует, прежде чем сдается и меняет тему.

— Как там муж, кстати? — спрашивает. — Не звонил? Не объявлялся?

— Звонил, конечно, — усмехаюсь. — Уже выяснил, что я в Дубае.

— Шустрый.

— Ага.

Порываюсь рассказать про цветы с запиской от него, но останавливаю себя. Раз уж там такое начало, то что дальше? Лучше сначала почитаю сама.

Минут через пятнадцать я прощаюсь с подругой, сажусь на кровать и снова открываю записку.

«Я понимаю, что заслужил твой гнев и твою боль, но не хочу, чтобы это стало концом нашей истории.

За годы брака мы оба совершали ошибки и не всегда были идеальными партнерами. Я признаю свою вину в том, что произошло, но думаю, нам обоим есть над чем поработать.

Твой внезапный отъезд в Дубай застал меня врасплох. Конечно, я понимаю твое желание побыть одной, но разве бегство — это решение?

Знаю, ты планируешь быть на нашем юбилее только ради детей. Но разве это справедливо по отношению к нашему браку? Двадцать лет — это не пустяк, который можно просто отбросить из-за одной ошибки.

Ты всегда говорила о важности прощения. Сейчас самое время показать, что это не просто слова.

Надеюсь, ты найдешь в себе силы не только обвинять, но и услышать меня.

Жду твоего возвращения,
Артур».

Я в полном шоке смотрю на строчки, которые начинают расплываться и превращаются в одно сплошное пятно. Вот это любовное послание — всем посланиям послание!

Значит, я — неидеальный партнер. Вот только узнаю об этом только сейчас.

Обида начинает душить, стягивает горло, мешая сглотнуть возникший в нем ком огромных размеров.

И тут я вздрагиваю от очередного звонка телефона, который кажется оглушающим в полной тишине гостиничного номера.

Перевожу взгляд на экран мобильного: это Полина.

— Ма, привет.

— Привет, моя хорошая, как ты?

Дочь игнорирует мой вопрос, сопит в трубку, а потом обеспокоенно тянет:

— Мам, вы что, поссорились с папой? Что у вас случилось?

Глава 14. Не надо делать из меня дурочку!

Ева

Вопрос дочери ставит меня в тупик, и я недоуменно приподнимаю бровь, сжимая телефон в руке и глядя в окно своего номера.

Неужели Артур догадался ляпнуть что-нибудь этакое, отчего у Поли возникли подозрения? Странно, это вроде как не в его интересах.

— Нет, милая. С чего ты взяла, что у нас с папой что-то случилось?

— А зачем тогда ты уехала в Дубай? — напряженно спрашивает Полина.

— По работе. Неожиданно возникли срочные переговоры.

— Что, — хмыкает дочка недоверчиво, — прямо за несколько дней до юбилея? Ты никогда так внезапно не уезжала. И папа какой-то странный.

— В смысле странный?

— Мы с ним встречались сегодня, так вот он какой-то хмурый, вообще без настроения. Практически не притронулся к еде и почти все время молчал.

— Наверное, у него рабочие моменты.

— Угу, — скептично цокает дочь. — Мам, ну я же вижу,

что-то не так. К тому же пока мы обедали, он звонил тебе несколько раз, а ты так и не ответила!

— Поль, я в это время была на встрече...

Дочка перебивает, не дав мне закончить:

— А не ты ли говорила, что семья важнее работы?

— Говорила, — подтверждаю. — Поль, мы с папой уже созвонились.

— Если у вас все хорошо, то почему он места себе не находит? Я его никогда таким не видела!

— Ты спрашивала у него? — как бы я ни старалась говорить спокойно, рука с телефоном все-таки предательски дрожит.

— Конечно! — с жаром восклицает Поля. — Он сказал, что все нормально и мне не стоит переживать.

— Ну, вот видишь. Папа правильно сказал. Лучше поделись, как твоя учеба? У тебя через пару недель важный проект, так?

— Да, проект... — расстроено тянет дочь.

В трубке возникает короткая пауза, затем слышится шорох — видимо, она перекладывала телефон из руки в руку.

— В общем, — с обидой бросает Полина, — я все поняла, не обязательно было переводить тему. Знаешь, не хочешь говорить, что случилось, и ладно, но не надо делать из меня дурочку. Пока!

Из трубки раздаются короткие гудки, и я с досадой поджимаю губы. М-да, хотела как лучше, а получилось как все-

гда.

Однако сомнения уже вовсю вгрызаются в мой и без того воспаленный мозг. Может, все-таки стоило рассказать правду сейчас? Права ли я в своем решении скрывать все до юбилея?

Качаю головой. Нет, уже не время отступать — осталось потерпеть всего несколько дней.

К тому же если дети и должны узнать, что происходит между мной и их отцом, то точно не по телефону. Я хочу быть рядом, чтобы видеть их реакцию и своевременно отреагировать. Если бы я сказала Поле, что мы с папой поссорились, ей бы точно не стало легче, скорее, наоборот.

Мысли перескакивают на мужа, и изнутри поднимается злость.

Я знаю Артура много лет, и навык скрывать эмоции у него отточен до мастерства — спасибо работе и куче переговоров. Но в этот раз он явно решил не пользоваться этим навыком во время встречи с дочкой.

Ух... Будь он сейчас рядом, я бы от души огрела его сковородкой. Зачем заставил Полю переживать? В то, что не подумал, что так получится, ни за что не поверю.

Наверняка не нашел ничего умнее и нарочно подключил Полю, чтобы через нее внушить мне чувство вины. «Смотри, Ева, что ты творишь с семьей. Я переживаю, дочка переживает, и все потому, что ты не желаешь вернуться!»

Я раздраженно наматываю круги по номеру. Неужели Ар-

тур верит, что участие детей как-то ему поможет? Даже если они встанут на сторону отца, жить с ним не им, а мне. Значит, и окончательное решение за мной.

Однако слова дочери все вертятся и вертятся в сознании. «Папа переживает», «он не находит себе места», «он без настроения».

Что, если это не игра на публику, и он правда осознал, что натворил?

Верно ли я поступаю, что рублю сплеча? Возможно, мне не стоило уезжать, надо было сначала все выяснить, послушать мужа?

Но в то же время в памяти всплывают и другие слова. Слова Артура. Обидные, колючие, злые. Не оставляющие ни шанса нашим отношениям. «У меня другая». «Мне не нужна твоя любовь».

То есть не просто «Я тебе изменил, прости», а «У меня другая». Как по мне, это значит только то, что он все еще с ней. Или уже нет?

О-о-о...

От разрозненных, рвущих душу в клочья мыслей мозг трещит, как снег под сапогами в минус сорок.

Добивает меня сообщение от Артура: «Спокойной ночи, любимая».

Глава 15. Из одного теста (?)

Ева

Следующие два рабочих дня проносятся как один миг, и вот я уже почти дома — осталось только забрать багаж и вызвать такси.

Я не сообщала мужу ни дату, ни номер рейса — хочу спокойно добраться до дома и немного отдохнуть, а потом уже встретиться и все-таки выслушать его. В конце концов, мы женаты двадцать лет.

Я внимательно смотрю на ленту, по которой едут чемоданы, и вскоре замечаю свой. Хватаю его за ручку, ставлю на пол и только собираюсь идти к выходу, как вижу в нескольких метрах, у соседней ленты, Наталью Фролову. Из всего нашего круга знакомых с ней я общаюсь ближе всех. Кстати, она и ее муж тоже приглашены на юбилей.

Я подхожу ближе.

— Где бы еще встретиться, да? — улыбаюсь ей.

Мы обмениваемся приветствиями, рассказываем друг другу, откуда прилетели.

Мне в глаза сразу бросается бледный вид Натальи и припухлости под ее глазами. Она вообще выглядит какой-то поникшей, потерянной. Колоссальная разница с тем, какой я привыкла ее видеть, — веселой, разговорчивой и пышущей жизнью.

— У тебя все в порядке? — хмурюсь.

— Ой, не спрашивай, — машет рукой она и отворачивается, явно пытаюсь скрыть появившиеся в уголках глаз слезы. Но я успеваю их заметить.

— Давай присядем? — предлагаю.

— Давай, — печально вздыхает Наталья. — Как раз вызову такси.

Мы катим чемоданы к маленькой кофейне на несколько столиков и устраиваемся за одним из них.

Когда официант приносит нам напитки, Наташа начинает первой:

— Ева, ты извини, но я, наверное, не приду на ваш с Артуром юбилей. Не хочу портить ваш праздник своей кислой физиономией.

— Почему? У вас все в порядке? Все здоровы?

— Все здоровы, да, слава богу. Но я... В общем, развожусь с Маратом.

Ложка, которой я помещивала кофе, со звяканьем ударяется о стенку чашки, и я в полном шоке поднимаю взгляд на Наталью.

Она замужем за Маратом еще дольше, чем я за Артуром, и я всегда считала, что у них образцово-идеальный брак. Впрочем, наверняка она считала таким же мой.

Наташа грустно усмехается моей реакции.

— Вот так бывает, да, — разводит руками. — Думаешь, что проживешь с мужем до конца жизни...

— Мне очень жаль, — искренне говорю и накрываю ее ладонь своей в качестве поддержки. Оказывается, мы сестры по несчастью.

— Да что уж там, — понуро опускает голову собеседница. Я молчу. Не хочу лезть в душу и спрашивать, в чем причина. Четко вижу: ей и без моих вопросов тошно.

Слышу трель мобильного и тянусь к сумочке, но оказывается, что звонит телефон Натальи. Она шипит что-то себе под нос и со злостью сбрасывает звонок, шепчет с надрывом:

— И так довел до слез, не успела я сойти с трапа самолета, и вот опять! Ну чего ему еще надо, а?

— Марат?

— Кто ж еще. Все уговаривает вернуться, надеется, что прощу.

Простит? Неужели это то, о чем я думаю?

Наталья считывает мой немой вопрос:

— Да, Ев, история банальна как мир. Марат мне изменил, и я подала на развод.

— Но вы ведь так долго вмес... — начинаю я и затыкаюсь на полуслове.

То же самое можно сказать и обо мне с Артуром. Вот только меньше всего в такой ситуации я хотела бы слышать, как долго мы вместе. Потому что от этого еще больнее.

Однако Наташа успевает понять мой посыл.

— Долго, но что с того? Знаешь, это ведь уже не в первый раз, — качает головой она.

У меня округляются глаза.

— Я не знала...

— Никто не знал. Первый раз случился несколько лет назад, и Марату удалось вымолить мое прощение. Он клялся и божился, что больше ни-ни, что без меня не сможет. В конце концов, я простила, все-таки столько прожили вместе, через столько прошли, детей подняли. В общем, мы больше не касались этой темы, и я считала, что он усвоил урок.

— Не усвоил? — догадываюсь.

— Да, снова изменил. Зря я вообще его простила, зря поверила, — с мучительным стоном говорит Наталья и философски изрекает: — Единожды предавший предаст снова.

Подруга крутит в руках чашку с кофе и старается улыбнуться:

— Ты извини, что порчу тебе настроение таким рассказом прямо перед вашим юбилеем. Я рада, что хоть у вас все хорошо. Повезло тебе с Артуром, он явно из другого теста, не то что мой Марат.

Я умудряюсь за малым не поперхнуться кофе. Да уж, у нас все тоже очень «хорошо», и Артур не из другого теста, а ровно из такого же. Но свои мысли я держу при себе — Наташе сейчас хватает и своих печалей.

В этот момент ее телефон пиликает сообщением.

— Такси подъехало. Мне пора.

— Давай я тебя провожу, — предлагаю.

Мы выходим на улицу, и Наталья почти сразу замечает

нужную машину, что остановилась неподалеку.

— Наташ, если что нужно, даже просто поговорить, звони. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо, Ева.

Мы прощаемся, подруга садится в машину, и та трогается. Я смотрю ей вслед и чувствую во рту горечь после нашей беседы. Мне безумно жаль Наталью, жаль, что она доверилась мужу и обожглась вновь.

А еще где-то на краю сознания мельтешит мысль: что это было — случайная встреча или знак судьбы для меня?

Погруженная в себя, я безучастно смотрю, как еще две женщины садятся в машину и уезжают. Смотрю и понимаю, что, в отличие от Натальи, забыла вызвать такси. Достая из кармана телефон, открываю нужное приложение и начинаю вводить адрес вручную, потому что метка моего положения указывает явно не на то место.

Рядом раздается резкий хлопок дверью машины, я вскидываю взгляд и вытягиваюсь, словно струна, когда вижу прямо перед собой мужа.

— Еле нашел тебя, уже собирался звонить, — качает головой он.

— Артур? — тяну в изумлении.

Это что же получается — мало того, что он сам пробил и дату, и номер моего рейса, так еще и приехал встречать. Лично. В рабочее время.

Муж молча забирает у меня чемодан, кладет его в багаж-

ник, а затем открывает дверь со стороны пассажирского сиденья:

— Садись.

Глава 16. Разговор по душам

Ева

Я сажусь в машину и смотрю в окно, пытаюсь сфокусироваться на проносящихся мимо зданиях города, лишь бы не встречаться взглядом с Артуром.

Зато он то и дело поворачивает ко мне голову — я вижу это боковым зрением.

Раньше, когда я встречала мужа после командировок, мы обнимались, жарко целовались и шептались друг другу, как соскучились. Сейчас его присутствие в машине давит на меня, словно бетонная плита.

Слава богу, он догадался хотя бы не лезть ко мне с объяснениями при встрече.

— Ева, — начинает Артур, — за эти дни без тебя...

— Давай не здесь, — обрываю его гораздо резче, чем собиралась. Добавляю уже спокойнее: — Поговорим дома.

Мы давно условились: никаких важных разговоров, если кто-то из нас за рулем.

— Хорошо, — соглашается муж.

В машине повисает напряженность, которую не в состоянии разбавить музыка, льющаяся из динамиков.

Я украдкой бросаю взгляд на руки Артура, уверенно сжимающие руль, и подмечаю, как костяшки побелели от напряжения.

Я так любила смотреть на его крепкие руки, знала каждую привычку их владельца. Ко рту снова подступает горечь от осознания, что эти руки обнимали другую, пока я строила планы на наш юбилей.

Записка мужа к цветам в Дубае до сих пор жжет меня изнутри. Как легко он превратил свое предательство в мою вину...

Как только Артур паркует машину во дворе, я выскакиваю и первым делом иду на кухню — сказывается старая привычка искать утешение в чашке чая.

Щелкаю чайником, достаю чашки слегка подрагивающими руками, и память услужливо подбрасывает очередное воспоминание: вот мы пьем чай на нашей первой съемной квартире. Молодые, влюбленные, уверенные в вечности наших чувств. Сложности нас не пугают — ведь мы вместе, а это главное.

Муж входит следом за мной — я слышу за спиной его тяжелые шаги.

— Ева, я был полным идиотом, — тяжело вздыхает он. — То, что я сказал тогда... это неправда.

— Когда именно? — разворачиваюсь к нему, скрещивая руки на груди. — Ты много чего наговорил за эти дни.

— Все неправда, — смотрит он прямо мне в глаза.

— Неправда? А что тогда правда? Двадцать лет, Артур, — болезненно морщусь я, — двадцать лет...

Муж делает шаг ко мне.

— Ев, эти дни без тебя были невыносимы... Я понял, какой я дурак.

— За несколько дней? — горько усмехаюсь я. — А до этого что мешало тебе понять? Когда ты говорил, что тебе не нужна моя любовь, когда решил, что двадцать лет можно перечеркнуть ради интрижки?

— Это не интрижка... — начинает он.

— О, прости, конечно. Это настоящее чувство, да? И поэтому ты так быстро прибежал обратно, стоило мне уехать? Тебе уже не нужно думать, кого из нас выбрать? — качаю головой я. — Знаешь, что самое обидное? Что ты даже сейчас не можешь быть честным. Ни со мной, ни с собой.

— Я честен. Мне не нужно думать, кого выбрать, — твердым голосом говорит Артур. — И не было нужно. Ты тогда меня неправильно поняла. Я говорил, что хочу побыть один, но не для того, чтобы выбирать, а для того, чтобы подумать, как мне все исправить.

Я отворачиваюсь к окну, чувствуя, как предательски дрожат губы.

— Если это было так, и ты тогда просто не договорил, почему не сказал сразу?

— А ты бы меня послушала? — кривит губы в горькой усмешке он. — Ты и сейчас меня перебила, так что я договарю: это была не интрижка, а огромная ошибка. Я совершил ее в первый раз за все двадцать лет. И в последний.

Мы молчим какое-то время. Чайник начинает закипать,

и его свист кажется оглушительным в этом молчании. Я выключаю его и на автомате наливаю себе чай.

— Я люблю тебя, Ева, — тихо говорит мне в спину Артур.

И эти слова, которые раньше значили для меня весь мир, сейчас отзываются только раздирающей сердце болью.

— Прости меня, — продолжает он, — за то, что я написал тогда в записке... Это было нечестно по отношению к тебе. Я пытался оправдать себя, переложить вину. И за то, что сказал, что ты никого себе не найдешь, кроме...

Муж шумно сглатывает, и я заканчиваю, снова поворачиваясь к нему лицом с чашкой в руках:

— Гастарбайтера или алкаша?

— Да, прости. Это неправда, и я это знаю. Стоило мне представить тебя с другим, так в глазах помутнело. И что мне не нужна твоя любовь, тоже неправда. Мне тогда было так стыдно смотреть тебе в глаза... Я жутко злился на себя, а сорвался на тебе. Был как в тумане, наговорил всякой чуши. Знаю, меня это не красит. Но мне нужна твоя любовь, очень нужна.

Он делает шаг ко мне, но яставляю руку, останавливая его движение. Сейчас мне нужно пространство, иначе я просто задохнусь.

— Зачем тебе вообще понадобилось изменять, Артур? Чего тебе не хватало? Скажи хоть сейчас! — морщусь от боли, что стягивает сердце.

— Дело не в тебе, если ты об этом. Я тогда запутался, —

муж отходит назад и тяжело опускается на стул. — Ева, прости меня.

— Прости? — возмущенно поджимаю губы я и медленно опускаю чашку. Руки предательски дрожат, и горячий чай за малым не проливается на пол. — Ты думаешь, простое «прости» может все исправить? Артур, ты за моей спиной встречался с другой женщиной. Врал мне в глаза. А потом, когда я узнала, заговорил про важность прощения!

— Я знаю, мне нет оправдания. Работа, стресс, проклятый кризис среднего возраста, дом опустел после отъезда детей — все это звучит так банально. Но я действительно потерял себя. А Лана... она была просто способом убежать от реальности.

Лана? Так вот как ее зовут...

— От реальности? От меня, ты хочешь сказать? От наших двадцати лет вместе? От всего, что мы построили?

— Не от тебя. От себя. Знаешь, мне надо было сказать тебе правду не тогда, когда изменил, а когда почувствовал, что со мной что-то не так. Мы бы решили все вместе, как обычно. Но я был уверен, что смогу справиться сам, а в итоге... Ева, прости. Я люблю тебя. Только тебя. Всегда любил, ты же знаешь.

— Любовь... — Слова застревают в горле. — Знаешь, что самое страшное? Я все еще люблю тебя. И ненавижу себя за это. Потому что не могу просто взять и выключить свои чувства по желанию, как бы мне этого ни хотелось.

Слезы, которые я сдерживала все это время, наконец прорываются. Я ставлю чашу на стол, закрываю лицо руками, и через секунду оказываюсь в объятиях Артура.

Он не дает мне вырваться, крепко прижимает к себе и горячо шепчет:

— Я все исправлю. Дай мне шанс.

— Шанс? — горько смеюсь я. — А ты дал мне шанс? Предупредил? Посоветовался? Нет, ты просто поставил меня перед фактом. Как будто наши двадцать лет ничего не значат.

— Значат! Они значат все. Я идиот, что чуть не разрушил это. Прости меня, родная, прости. Клянусь, сделаю все, чтобы вернуть твое доверие.

— Не выйдет. Я больше никогда не смогу доверять тебе, как раньше, — мой голос сочится болью.

— Тогда мы построим что-то новое. Вместе, день за днем. Я никуда не уйду, Ева.

— Новое? Вместе? Я не знаю, Артур. Не уверена, что получится.

Муж всматривается в мое лицо.

— Тебе нужно время? Я готов ждать, сколько нужно.

Однако долго ждать ему не приходится.

Глава 17. Юбилей

Ева

Вечер двадцатой годовщины свадьбы, ресторан «Наполеон»

— Ева, вы просто чудесница, так чудесно все тут организовали! — получаю комплимент от одного из гостей.

— Спасибо, — благодарю, стараясь, чтобы не было слышно сарказма в голосе, и бросаю взгляд на мужа.

Тот стоит рядом с непроницаемым видом. Ну, что сказать: он действительно постарался. Конечно, есть мелкие недочеты, но их увидит лишь наметанный глаз.

Интересно, муж делал все сам или через пару дней поручил закончить дело помощникам? Начинал точно самостоятельно, иначе не уколол бы меня по этому поводу в записке с цветами.

— Ева? — заглядывает мне в лицо Артур, улучив свободную секунду.

В его взгляде читается немой вопрос: «Что ты решила?»

Вопрос, на который у меня еще нет четкого ответа, и поэтому я медленно качаю головой.

Вижу, муж расстроен, но виду не подает.

Ну в самом-то деле, он ведь не думал, что я приму решение за один вечер?

Вчера, после нашего разговора, я сказала, что мне надо

подумать, и попросила оставить меня одну. Слава богу, он не стал спорить и уехал. Хотел отвезти меня в ресторан сегодня, но и тут я отказалась, приехала сама.

Приехала, и почти сразу пришлось встречать гостей, поэтому не было времени поговорить наедине.

Наконец все приветствия закончены, гости занимают места за праздничными столами, и начинается...

Я морально готовилась к этому вечеру, но в реальности все оказывается хуже, чем я себе представляла.

Каждое поздравление, каждый тост вбивается в сердце острыми иглами, рвет его на части.

— За прекрасную пару!

— За вашу любовь!

— За верность друг другу!

Я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться истерически. Неделя. Всего неделя прошла с того момента, как мой мир рухнул. А сейчас мы играем счастливых супругов.

От натянутой, механической улыбки мышцы лица устают, и периодически начинает подрагивать левый уголок губ. Приходится отпивать сок из бокала, чтобы это скрыть.

И слушать, слушать эти тосты, от которых уже подташнивает.

Практически каждый гость считает своим святым долгом упомянуть пресловутые двадцать лет. Теперь это число кажется мне насмешкой судьбы.

С каждым поздравлением мне все паршивее, а мужу хоть

бы хны. Смотрю на него — сидит себе довольный. И главное — весь вечер такой галантный, внимательный, заботливый. Любящий муж. Идеальная картинка для всех присутствующих. И только я знаю правду.

Сердце немного оттаивает, лишь когда вижу, как дети радостно щебечут с гостями. Даже Полина и та улыбается, поглядывая на меня и отца. Видимо, решила, что мы помирились.

А я только ради них держу лицо и не устраиваю сцену, хотя хочется. Хочется встать и сказать, что праздновать на самом деле нечего, и все могут быть свободны.

С все бóльшим нетерпением жду, когда появится Оливер Скотт, побеседует с Пашей и Полей и уедет. Тогда без промедления уеду и я, и мне все равно, что Артур скажет гостям. Но пока что я не имею права лишать детей такого шанса из-за своих разбитых иллюзий.

Очередной тост.

— Посмотрите на них: двадцать лет прошло, а до сих пор как молодожены! — восклицает свекровь, и я едва сдерживаю усмешку. Если бы она только знала...

Да, двадцать лет я строила наш дом, нашу семью, верила в наше «долго и счастливо». А теперь этот дом с треском рушится, и я не знаю, хочу ли его восстанавливать.

Вчерашние извинения Артура до сих пор звучат в ушах. Раньше я верила каждому его слову безоговорочно. А теперь не знаю, стоит ли.

К тому же заевшей пластинкой в памяти крутятся слова Наташи: «Единожды предавший предаст снова».

Мне уже совсем неважно от этой нескончаемой внутренней баталии: давать Артуру шанс или нет. Часть меня этого хочет, другая противится.

Я смотрю на наши с Артуром свадебные фотографии, которые крутятся в презентации на большом экране. Молодые, счастливые лица. Глаза помимо воли наливаются влагой — как мы тогда любили друг друга...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.